

ЕСТЕСТВЕННОЕ БОГАТСТВО СИБИРИ И ЕГО РАЗРАБОТКА.

Нѣтъ, кажется, въ мірѣ страны такой замкнутой разобщенной отъ остальнаго міра, какъ Сибирь. Это — истинная дочь Азіи. Гдѣ ее не омываютъ холодныя моря, тамъ она граничитъ съ горами, непроходимыми, по своимъ широкимъ тайгамъ, или съ голодными степями. Весь югъ Сибири, гдѣ она примыкаетъ къ азіатскому материку, занятъ широкой и лѣсистой полосой. Поэтому международныя сношенія до-исторической Сибири были весьма ничтожны, да и въ настоящее время они не далеко ушли. На всемъ громадномъ протяженіи южной сибирской границы существуютъ только четыре торговыхъ прохода; обширные промежутки между этими пунктами образуютъ и теперъ непроницаемую для сибирской внѣшней торговли страну. Подобно тому, какъ нѣкогда Альпы уединяли дикую, болотистую и лѣсистую Германію отъ цивилизованнаго Рима, такъ въ до-историческое время Алтай и Саяны отдѣляли Сибирь отъ цивилизованнаго міра южной Азіи. Вся исторія Азіи прошла для Сибири безслѣдно; только изрѣдка Сибирь встрѣчается съ попытками, которыя дѣлались съ юга, для основанія цивилизаціи на ея южной окраинѣ, и о которыхъ сохранились извѣстія въ китайскихъ исторіяхъ; промежутки времени между этими попытками заключаютъ въ себѣ по десяти и болѣе вѣковъ.

Рѣки Сибири велики, какъ морскіе каналы, но ни одна изъ нихъ

не ведетъ къ теплому и доступному морю. Онѣ соединяютъ по своему богатый сѣверъ съ теплымъ югомъ страны и, такимъ образомъ, представляютъ легкій путь для сношеній между двумя частями страны, наиболѣе различными по своему климату, произведеніямъ, людямъ и культурѣ. Такое направленіе рѣкъ очень выгодно для внутренней торговли, что еще болѣе усиливается удобствами для будущей канализаціи края, которыя представляются въ обширныхъ развѣтвленіяхъ рѣчныхъ системъ на равнинахъ. Но такъ какъ всѣ эти рѣки впадаютъ въ холодное Ледовитое море, то онѣ имѣютъ характеръ только внутреннихъ сообщеній.

Географическія черты сибирской территоріи предназначали эту страну къ жизни замкнутой, внутренней, и вотъ почему здѣсь долго не могла возникнуть цивилизація, а занесенная извнѣ — погибала. Пересадивши сюда цивилизацію, необходимо было употребить большія усилія, чтобы обезпечить ей существованіе и развитіе, ибо для того, чтобы поддержать связь и обмѣнъ съ другими странами, въ Сибири нужны такія средства, какихъ не требуетъ никакая другая страна. Нужно прорубить тайги, прорыть горы, пересѣчь необозримыя степи.

При историческомъ разселеніи людей по землѣ, обусловленномъ географическимъ ея положеніемъ, высшая земледѣльческая культура могла проникнуть въ этотъ замкнутый уголокъ только отъ соседней страны, лежавшей съ ней подъ одной широтой и менѣе разобщенной отъ нея, чѣмъ другія. Къ сожалѣнію, триста лѣтъ, протекающія съ того времени, какъ русскіе впервые вступили на сибирскую почву, совершенно потеряны для прогресса этой страны. Народъ остался до настоящаго времени въ невѣжествѣ, въ нравахъ часто проявляются дикіе и варварскіе инстинкты, оставшіеся отъ прошлаго и даже XVII столѣтія. Это трехсотлѣтнее пребываніе русскихъ здѣсь замѣчательно только истребленіемъ инородцевъ и неразумной эксплуатаціей страны. Ея богатства, одни за другими, расхищаются нераціонально организованнымъ производствомъ безъ всякой пользы для края. Пословица, „Сибирь золотое дно“, была справедлива не для тѣхъ, кто трудился въ Сибири, а для монополистовъ, которыхъ были легіоны въ Сибири. Колоніальная

политика правительства была непостоянна, и то склонялась къ либеральнымъ воззрѣнiямъ, то становилась исключительно фискальною или меркантильною. Вмѣстѣ съ нею колебался, болѣе или менѣе, монопольный характеръ эксплуатаціи естественныхъ богатствъ.

Русскіе, эмигрировавшіе въ Сибирь въ XVI ст., и въ полвѣка занявшіе ее до самой восточной ея оконечности, очутились въ положеніи людей, высадившихся на отдаленный морской островъ. Въ этомъ случаѣ, они раздѣляли судьбу первыхъ эмигрантовъ сѣверной Америки. Подобно имъ, русскіе эмигранты могли не раньше получить поддержку изъ метрополи, какъ черезъ годъ, потому что торговые караваны, и вѣроятно всякіе другіе переѣзды, успѣвали только одинъ разъ въ годъ ходить изъ Сибири въ Россію. Ураль, какъ море, отдѣлялъ Сибирь отъ Россіи. Это изолирующее вліяніе Уральскихъ горъ путешественники очень явственно замѣчали еще въ концѣ прошлаго столѣтія.

Эта горсть первыхъ эмигрантовъ, чтобъ удержаться во враждебной средѣ туземнаго населенія, крѣпко нуждалась въ связяхъ съ своею метрополіей, которая только и могла снабжать ее "огненнымъ боемъ", и пищевыми припасами. Безъ этой помощи, эмигранты не въ состояніи были бы удержать за собою Сибирь, должны были бы пачать отступленіе, подобно тому, какъ въ послѣдствіи подобные же авантюристы не могли удержать за собою Амурской земли, потому что метрополія не могла снабжать ихъ лучшимъ оружіемъ для войны съ китайцами. Такимъ образомъ, было положено начало правительственной помощи, которая въ послѣдствіи превратилась въ обширную правительственную опеку. Слѣдующіе переселенцы были большею частью изъ сѣверныхъ областей Россіи, гдѣ землевладѣльческій гнетъ еще не воспиталъ новой крѣпостной породы людей, гдѣ люди помнили и даже участвовали въ свободно-экономической жизни новгородской торговой общины. Продолжая завоевывать новыя земли и гоняясь за сободемъ, эти энергическіе люди продолжали нуждаться, какъ и первые эмигранты, въ огненномъ боѣ; частныя средства эмигрантовъ были недостаточны, чтобъ устроить это снабженіе; правительство, такъ кстати умѣвшее оказать услугу первымъ

эмигрантамъ, продолжало свою заботливость и покровительство и впоследствии, такъ что почти совершенно приняло на себя не только вооруженіе, но и прокормленіе этихъ пионеровъ.

Еще позже повалили въ Сибирь многочисленныя толпы гулящихъ людей московскаго государства; это были бѣглецы крѣпостные люди, привыкшіе ко всякимъ ограниченіямъ, нецѣнившіе свой трудъ и способные кабалить себя за 3 р. на всю жизнь; съ притупленнымъ сознаниемъ, подобно нынѣшнимъ бродягамъ, гулящие люди шли въ большую опасность изъ-за ничтожной цѣлы. Эта масса новыхъ пришельцевъ, понизивъ значительно характеръ эмиграціи, еще болѣе утвердила за правительствомъ роль опекуна.

Правительство завело здѣсь пашни и деревни, скотоводство и почтовые ямы; администрація Сибири втеченіи всѣхъ трехъ столѣтій озабочена снабженіемъ страны хлѣбомъ; она отличается самыми обширными проэктами по этому предмету; одинъ губернаторъ Сибири проэктируетъ признать половину сбора хлѣба въ странѣ государственной собственностью, при чемъ государственные крестьяне должны были обратиться въ батраковъ; другой образуетъ изъ хлѣбной торговли государственную монополію. Съ одной стороны, принимаетъ необыкновенные размѣры правительственная опека, проникающая въ семейную жизнь и въ домашнее хозяйство, съ другой, рабочій народъ теряетъ всякую способность къ самоуправленію и самодѣятельности, частный трудъ нисходитъ на степень рабской кабалы; рабочій классъ превращается въ поденьщика, поставляющаго въ казну или кушцу дорогіе продукты страны, за одно обезпеченіе своего существованія; въ его рукахъ не скопляется богатство; оно скопляется въ рукахъ монополистовъ, правительства и немногихъ купцовъ. Весь рабочій классъ Сибири даже еще въ XVIII столѣтіи поголовно состоялъ изъ покрученниковъ; по свидѣтельству извѣстнаго Радищева, всѣ сибирскіе крестьяне, исключая барабинскихъ поселщиковъ, хотя и ѣдятъ мясо, но одинъ изъ ста или двухъ сотъ живетъ не въ долгъ; другіе все наемщики работаютъ на задатки". Задатокъ чуть не равный цѣлой платъ, и теперь существуетъ въ Сибири почти повсемѣстно для

оатраковъ. Такимъ образомъ, можно сказать, что русскіе принесли съ собою крѣпкую систему въ Сибирь съ первымъ вступленіемъ на ея дѣвственную почву. Историческія условія сложились при основаніи этой колоніи такимъ образомъ, что монополія была неизбежна. Купцы монополизировали торговлю. Почти вся торговля въ Сибири въ XVII ст. была въ рукахъ только двухъ торговыхъ домовъ Босаго и Ревякина. Правительство монополизировало за собой почти все колониальные промыслы — пушной, мамонтовой кости, торговлю ревенемъ, табакомъ, виномъ и даже весь кяхтинскій торгъ.

Мы здѣсь представимъ только краткій очеркъ государственной монополіи въ торговлѣ пушной. Въ 1693 г., въ наказѣ тарскому воеводѣ, частнымъ лицамъ запрещалось торговать пушиной, пока инородцы не заплатятъ ясака, чтобъ купцы не выкупили лучшую рухлядь, а какъ ясакъ выплатится сполна, тогда позволить купцамъ и бухарцамъ торговать въ Тарѣ на гостиномъ дворѣ. Въ томъ же году и въ наказѣ таможеннымъ головамъ въ Сибири запрещается торговать съ бухарцами деньгами, золотыми ефимками, ружьемъ, свинцомъ и порохомъ, и соболей пропускать въ Китай и другія земли только такихъ, которые стоятъ не болѣе сорока рублей, а лисицъ черныхъ, чернобурыхъ и бурыхъ не отпускать. Самимъ воеводамъ сибирскимъ было запрещено имѣть шубы и шапки изъ соболей и черныхъ, чернобурыхъ и бурыхъ лисицъ, и дозволялось только имѣть мѣха лисьи, песцовые красные, бѣлые хребтовые и черевьи, да и то только не болѣе 2 и 3 мѣховъ. Въ наказѣ тобольскимъ воеводамъ 1697 г. было подтверждено запрещеніе продавать бухарцамъ соболей, бобровъ, лисицъ и прочую добрую мягкую рухлядь. Русскіе торговые люди были обязаны купленныхъ въ Сибири соболей и черныхъ лисицъ объявлять, по приѣздѣ въ Москву, въ сибирскомъ приказѣ, а на сторону никому не продавать; въ сибирскомъ приказѣ имъ выдавали за рухлядь русскіе товары по оцѣнкѣ. Лисицъ черныхъ, чернобурыхъ и бурыхъ, цѣною отъ 8 и до 50 руб. было приказано также отбирать у частныхъ людей въ казну. Въ томъ же году велѣно было купить въ Москвѣ разныхъ товаровъ на сибирскую руку и послать

въ сибирскіе города: въ Сургутъ, Березовъ, Кузнецкъ, Томскъ, Иркутскъ, Якутскъ и проч. на 300, 400, 600 и 1000 рублей, на которые воеводы должны были покупать у частныхъ лицъ и инородцевъ мягкую рухлядь по опредѣленной таксѣ, наприм., за лучшихъ якутскихъ полныхъ соболей велѣно давать по 5 руб., за плохихъ по 20 алт. и по полтинѣ; за мангазейскіе лучшіе по рублю и по 30 алтынѣ; за лучшихъ соболей западной Сибири по 13 алтынѣ 2 деньги; за добрыхъ черныхъ лисицъ по 10 рублей. Соболей этихъ воеводы должны были вымѣнивать, какъ на присланные изъ Москвы товары, такъ и на таможенные доходы, на деньги, на хлѣбъ и даже на вино. Правительство, не церемонясь, прибѣгало къ спаванью инородцевъ и соболепромышленниковъ для пріобрѣтенія дорогихъ мѣховъ. Кромѣ того иркутскому, енисейскому и илимскому воеводамъ было велѣно отпускать покручениковъ для соболинаго промыслу и платить имъ изъ казны; однимъ словомъ, правительство эксплуатировало страну такъ, какъ только эксплуатируютъ торговыя компании и кушцы, неимѣющіе никакихъ общихъ интересовъ съ мѣстнымъ населеніемъ. И все это для того, чтобы, какъ было сказано въ одномъ наказѣ верхотурскому воеводѣ, во всей Сибири соболи были въ одной его Великаго Государя казнѣ.“ *)

Обративъ лучшіе сорта сибирскихъ мѣховъ въ государственную регалію, и гарантировавъ казну отъ тайной торговли русскаго купечества, правительство должно было также принять мѣры и противъ тайнаго вывоза мѣховъ чрезъ азіатскую границу, которымъ занимались въ большихъ размѣрахъ бухарцы. Исполнить это было очень трудно, потому что въ существованіи этой контрабанды заинтересовано было все сибирское населеніе. Оно не могло обойтись безъ нея, а чтобы имѣть свои бумажныя рубашки и шелковыя платья, сибиряки имѣли только одни мѣха, и эти-то мѣха были запрещены къ вывозу за границу. Разумѣется, должна была явиться громадная контрабанда, въ которой участвовали пого-

*) Полн. Собр. Зак. т. III стр. 160, 333, 406, 586 и т. IV, стр. 59.

ловно всё сибиряки, и русские, и инородцы, и купцы, и военные люди. Население по р. Иртышу, по свидѣтельству Палласа, только и жило контрабандой. Жалобы сибирскаго начальства на повсемѣстную контрабанду заключаютъ въ себѣ лучшую картину обширныхъ размѣровъ ея, недонускавшихъ физической возможности услѣдить ее, тѣмъ болѣе, что нити ея обхватывали не одни пограничныя мѣста, а начинались внутри страны, въ такихъ сѣверныхъ городахъ, какъ Тобольскъ, въ русскихъ деревняхъ и инородческихъ стойбищахъ.

Главными руководителями контрабанды были сибирскіе бухарцы, т. е. эмигранты изъ Бухаріи, нашедшіе въ Сибири новое отечество, а также и иностранные бухарцы. Съ эпохи сибирскаго завоеванія до XVIII ст. бухарцы имѣли въ рукахъ своихъ всю внутреннюю торговлю Сибири и вѣшнюю азіатскую. Русскіе купцы, набѣзжавшіе изъ Россіи, служили только проводниками торговли Сибири съ Россіей. Поэтому въ первое время между бухарцами и русскими купцами была большая конкуренція, и нужно было много времени, чтобъ русское купечество вытѣснило бухарцевъ сначала съ русскаго рынка, а потомъ и съ вѣшняго, но слѣды этой борьбы еще долго отзывались въ пресирательствахъ корпораціи бухарцевъ съ русскими купцами. Правительство принимало большое участіе въ этомъ обрусѣннн сибирской торговли. Въ видахъ подавленія контрабанды и доставленія русскимъ купцамъ преимуществъ передъ бухарцами, былъ запрещенъ въѣздъ иностранныхъ бухарцевъ внутрь Сибири далѣе пограничной линіи, съ тѣмъ вмѣстѣ нашли справедливымъ отказать и русскимъ въ выѣздѣ въ Джунгарію; но мнѣнію мѣстнаго начальства, придумавшаго эту остроумную мѣру, отъ нея ничего нельзя было ожидать, кромѣ пользы; убытку русскимъ купцамъ отъ запрещенія ѣздить въ Джунгарію не будетъ, разсуждало оно, потому что они ѣздили туда не въ большомъ числѣ и тамъ подвергались раззоренію и даже казни; кромѣ того дикари, кочевавшіе на пути, грабили караваны; эти случайности отнынѣ будутъ падать на иностранныхъ купцовъ. Притомъ, прежде купцы, неѣздившіе сами въ Джунгарію, часто терпѣли недостатокъ въ това-

рахъ сравнительно съ тѣми, которые имѣли возможность ѣздить; а теперь шансы обогащенія у всѣхъ будутъ равны. Съ этого времени, въ пограничныхъ мѣстахъ, Ямышевѣ и Кяхтѣ, образуются котеріи русскихъ купцовъ, которые начинаютъ пользоваться всѣми благоприятными условіями своего положенія для скопленія богатства, и слѣдятъ зорко, чтобъ правительство не сдѣлалось на жалобы бухарцевъ и мѣстнаго населенія, которое едва ли могло видѣть въ этомъ строгомъ ограниченіи большую выгоду для себя. Но русскіе купцы мало тревожились за свою монополію, потому что администрація видѣла въ ихъ обогащеніи государственннй интересъ; да и не только она такъ смотрѣла на этотъ предметъ, но и просвѣщеннѣйшій человекъ въ Россіи прошлаго столѣтія, Радищевъ.

Такимъ образомъ была достигнута цѣль; бухарцевъ стали вытѣнять изъ Сибири русскіе купцы, контрабанда мѣхами ослаблена, всѣ мѣха стали оставаться въ государствѣ, но Сибирь уже не могла вымѣнивать себѣ дешевые азійскіе фабрикаты; она должна была покупать дорогія произведенія московской фабрикаціи, отдавая свои мѣха въ руки правительства по номинальной цѣнѣ, устанавливаемой не на свободномъ рынкѣ, а московскими экспертами.

Изъ этого очерка видно, что до Петра политика русскаго правительства относительно своихъ восточныхъ владѣній, неорганизованныхъ и переполненныхъ инородцами, была чисто фискальною; на нихъ смотрѣли, какъ на завоеваніе, и потому доходы съ нихъ были скорѣе контрибуція, чѣмъ налогъ. Сообразно съ этими экономическими стремленіями пригонялось и устройство управленія въ Сибири. Первые пришедшіе въ Сибирь русскіе вѣроятно принесли съ собою хотя слабую тѣнь самоуправленія; вѣроятно армія Ермака управлялась казачьимъ кругомъ; можетъ быть, казачій кругъ служилъ прототипомъ и для устройства всѣхъ другихъ городовъ Сибири; мы видимъ, что еще во времена Петра нерѣдко возставшіе противъ воеводъ городскія общества по большей части имѣли коноводами казачьихъ старшинъ. Иногда эта жизненность городовъ проявлялась низверженіемъ воеводъ, какъ это было наприм. два раза въ Иркутскѣ, при чемъ народъ избиралъ малолѣтнаго сына

какого нибудь отставнаго воеводы, съ цѣлью, подъ видомъ регента, поставить во главѣ управленія краемъ своего народнаго вождя.

Пока шло завоеваніе страны, постройка остроговъ и зимовьевъ, и обложеніе ясакомъ инородцевъ, такое управленіе не противорѣчило государственнымъ интересамъ. Но когда край успокоился, когда правительство должно было признать сибирскихъ инородцевъ такими же своими подданными, какъ и русскихъ, и должно было считать своей обязанностью съ равной силой распространить и на нихъ свое покровительство, тогда прежнее устройство сибирскихъ городовъ стало анти-государственнымъ. Обитатели сибирскихъ городовъ состояли изъ сброда ясачныхъ сборщиковъ; эти сборщики собирали ясакъ и облагали имъ необложенные народцы по собственной инициативѣ; ни вѣрной нормы, ни контроля ясака не было; нерѣдко съ одного и того-же племени собирали сначала сборщики одного города, потомъ другого, такъ что племени приходилось платить вдвойнѣ; объ умѣренности ясака, въ видахъ облегченія на будущее время, особенно во время неурожа, не могло быть и рѣчи при такой организаціи сбора; города, имѣя личныя выгоды отъ сбора, спорили между собой изъ за инородческихъ волостей, кому слѣдуетъ собирать съ нихъ ясакъ; споры эти доходили до Москвы, и иногда дѣло оканчивалось кровавыми побоищами городовъ между собою.

Государственные интересы требовали большаго подчиненія городовъ, т. е. сословія сборщиковъ воеводамъ, чтобъ послѣдніе могли покровительствовать инородческой массѣ, бывшей до того на правахъ военно-плѣнныхъ. Для этого власть воеводъ и губернаторовъ расширялась, и расширилась до того, что они превратились въ пашей и вице-роевъ; результатомъ этого и было то, что инородцы изъ грабительскихъ рукъ сборщиковъ перешли въ хищныя руки воеводъ и сибирскихъ губернаторовъ, которые быстро стали составлять себѣ капиталы; богатство, на примѣръ губернатора, Гагарина напоминаетъ роскошь испанскихъ вице-роевъ; онъ ѣздилъ въ каретѣ съ серебряными шинами; надъ столовой его былъ стеклянный потолокъ, надъ которымъ былъ устроенъ акваріумъ, Воеводы вы-

взжали изъ Сибири съ обозами награбленныхъ имуществъ; правительство казнило многихъ смертію, но ничто не помогало. Молва о легкой наживѣ въ Сибири была такъ велика, что сложилась въ пословицу: *Сибирь золотое дно*, известную только у сибирскихъ чиновниковъ, проникшую черезъ нихъ даже въ литературу прошлаго столѣтія, но никогда непроникавшую въ сибирское простонародье. Въ Сибири царствовалъ произволъ; воеводы властвовали неограниченно надъ имуществомъ, жизнью, и брачнымъ ложемъ своихъ подданныхъ, доведенныхъ безуспѣшностью жалобъ до состоянія терпѣливыхъ рабовъ. Петербургскія повелѣнія презирались мѣстной властью; сибирскіе начальники придавали себѣ титулы чуть не царскіе и набирали собственную гвардію; какойнибудь поручикъ въ Анадырскѣ говорилъ своимъ подчиненнымъ: „я передъ русской императрицей сію, какъ солнце“; Кохъ въ Камчаткѣ называлъ себя земнымъ богомъ. Иногда воеводы отлагались отъ законной власти, какъ на примѣръ Нарышкинъ въ Забайкальѣ, и, собравъ армію, шли противъ нея войной. Гагаринъ, губернаторъ Сибири, открыто возставалъ противъ нововведеній Петра, даже жаловался на это китайскому послу, проѣзжавшему черезъ Тобольскъ, котораго онъ принималъ съ особенной ласковостью, и, какъ рассказываютъ, хотѣлъ отложиться отъ царя со всею Сибирью.

Простой народъ въ Сибири всегда возставалъ противъ этого стремленія сибирскихъ управителей къ суверенетву; сначала, когда въ немъ жили воспоминанія о прежней, городской самостоятельности, онъ возставалъ противъ самозванцевъ, свергалъ ихъ и обращался къ московскому правительству, ожидая себѣ похвалы за сокрушеніе измѣны и за возстановленіе закона. Вся исторія Сибири представляетъ борьбу народа съ воеводами, стремившимися къ мѣстному абсолютизму. Когда наконецъ масса была удручена наказаніями и усмирена преслѣдованіями за законныя возстанія, народъ, всегда тянувшій къ центральной власти, открылъ такой путь для борьбы съ узурпаторами, который покрылъ его стыдомъ на цѣлое столѣтіе. Какъ во всѣхъ деспотическихъ странахъ, и здѣсь народъ, для борьбы съ своими маленькими, но многочисленными деспотами, при-

бѣгъ къ доносу. Говорятъ, доносъ и ябеда достигли въ Сибирь до искусства и могущества, какимъ они обладаютъ только въ Японіи. Сибирь обратилась въ отечество доносчиковъ. Послѣ большого дѣла губернатора Якоби, подобный приговоръ надъ Сибирью былъ произнесенъ съ престола. Тѣмъ не менѣе доносъ свирѣпствовалъ въ Сибирь еще долго послѣ того, до самаго царствованія Александра.

Екатерина II, задолго до обнаруженія книги Адама Смита, подъ вліяніемъ философскихъ принциповъ XVIII столѣтія, хотѣла въ духѣ послѣднихъ произвести большія перемѣны какъ въ управленіи Сибирью, такъ и въ ея экономическихъ условіяхъ. Съ этою цѣлю она посылаетъ въ Сибирь Щербачева для составленія правилъ объ улучшеніи быта инородцевъ; она возстановляетъ льготы бухарцевъ и объщаетъ учредить для ихъ общества одну для цѣлой Сибирь бухарскую думу съ дѣлопроизводствомъ на бухарскомъ языкѣ. Указомъ 31 іюля 1762 г. она уничтожаетъ казенную монополію въ кяхтинской торговлѣ и въ торговлѣ пушниной. Чтобы быстрѣе, безъ проволочекъ, прекращать злоупотребленія въ Сибирь и мгновенно укрощать безчинствующихъ по городамъ воеводъ, власть сибирскаго губернатора была расширена, и ею облеченъ энергическій Чичеринъ. Этими начинаніямъ придано было много вишняго блеска для возбужденія народнаго вниманія; Сибирь наименована царствомъ; въ Тобольскѣ поставленъ тронъ; этому новому царству данъ гербъ съ двумя соболями и особая сибирская монета. Открытіе трона въ Тобольскѣ совершенно было съ большою торжественностью. И здѣсь отразилось воззрѣніе Сибирь, какъ на инородческую колонію Россіи: для присутствованія при торжествѣ были вызваны ханъ Средней киргизской орды и остяцкіе князья. Даже сибирскій проповѣдникъ, говорившій въ этотъ день рѣчь, впадая въ тотъ-же тонъ, распространился преимущественно о благодѣтельномъ вліяніи русскихъ законовъ и порядковъ на инородческій бытъ, и все празднество представилъ праздникомъ этой части сибирскаго населенія.

Но само общество не шевельнулось; не только инородцы, но

и русское население было крайне невежественно, и колониальные идеи, которыми руководилась Екатерина, не проникли даже в умы наиболее выдававшихся по своим способностям туземцев. Театральные подмостки, поставленные в Тобольск для возбуждения народных желаний, были разобраны при безучастном созерцании сибиряков, и от всей этой комедии осталась одна всемогущая власть сибирского губернатора.

Либеральное направление не оставило и следа в Сибири; прежние порядки остались; если еще на губернаторском или генерал-губернаторском месте сидел человек неспособный, то почему-то край казался тихим; но если это место занимал человек энергичный, задававшийся целью привести сибирские дела в порядок, и вообще доказать, что и прежняя бюрократическая система в действительных руках способна искоренить злоупотребления, тогда в Сибири поднимался истребительный ураган, потому что реформатор прежде всего считал необходимым ввести дисциплину, т. е. прочистить дорогу для своих действий, а это уже вело к тому, что энергические нововведения на второй уже ступени от реформатора превращались в энергическую наживу денег. Подобная эпоха наступила в Сибири в то время, как император Александр I составлял либеральные проекты для России. Сибири как будто было на роду написано выносить на себя мечь людей старого режима. Генерал-губернатором Сибири в это время был Пестель; он выбрал себе в помощники энергического Трескина и посадил его губернатором в Иркутск, этом центре сибирской жизни, отличавшимся наибольшей оппозицией против стремлений воевод и губернаторов к узурпации. Сам Пестель остался в Петербург, конечно для того, чтобы лично наблюдать за проведением своих проектов в высших государственных учреждениях и предупреждать доносы из Сибири. Это подало повод Растопчину удачно съострить; однажды император Александр I, стоя у окна зимнего дворца, заметил на петропавловском шпице что-то черное; он спросил об этом Растопчина „Для этого нужно позвать Пестеля, заметил Растопчин; у него

зрѣніе хорошее, онъ видитъ отсюда, что дѣлается въ Сибирѣ".
Пестель управлялъ Сибирью 13 лѣтъ, разъ только посѣтивши ее
при самомъ вступленіи своемъ въ должность.

Новымъ правителямъ все сибирское общество, безъ всякаго под-
раздѣленія, казалось анархическимъ; положено было напередъ при-
няться за введеніе дисциплины. Пестель съ перваго раза уже пред-
видѣлъ, что ему придется бороться съ доносчиками, которые бу-
дутъ выносить наружу всѣ ошибки системы, и потому въ Иркутскѣ
передъ большимъ и разнообразнымъ собраніемъ объявилъ, что онъ
пріѣхалъ уничтожить шпионовъ въ Сибирѣ. Начались нѣкото-
рыя улучшения, въ размѣрахъ, допускаемыхъ прежней системой и
требуемыхъ репутацией бдительнаго и благодѣтельнаго для края
начальства; опека надъ управляемыми никогда еще не принимала
въ Сибирѣ такихъ размѣровъ, какъ въ это время. Исправникъ
слѣдилъ за домашней жизнью крестьянъ, за прилежаніемъ крестья-
нокъ въ тканіи холста, въ разведеніи куръ и пр., какъ будто
Сибирь была частная губернаторская ферма.

Пороки, въ которыхъ обвиняли Сибирь, и которые всегда въ
ней будутъ, пока она будетъ штрафной колоніей, преслѣдовались
со всею жестокостью; карающая рука правителя одинаково падала
на все общество, не разбирая, изъ какихъ элементовъ оно состоитъ,
какіе изъ нихъ бродячіе и анархическіе, какіе консервативны и
способны къ стройной гражданской жизни. Протестъ не допускался
и жестоко наказывался. Начальство принимало на себя всю
отвѣтственность за эти мѣры (конечно передъ потомствомъ, а не
современниками). Протестанты или шли въ ссылку въ глубокій
сѣверъ, гдѣ умирали, или разорялись, или исчезали невѣдомо
куда, точно Трескинъ ѣлъ ихъ самъ. Начались попытки доносить,
какъ всегда бывало, начали ходить въ народѣ слухи о намѣре-
ніи Трескина сдать Сибирь французамъ, для пріема которыхъ будто
бы онъ построилъ триумфальныя ворота. Для предупрежденія до-
носовъ были приняты мѣры; у подозрительныхъ частныхъ лицъ от-
бирались чернилицы; на дорогѣ въ Петербургъ, въ видѣ заставы,
былъ поставленъ исправникъ, отличавшійся преданностью губерна-

торскимъ планамъ; свободный голосъ въ Сибири сталъ контрабандой. И однакожь доносъ никогда не принималъ такого величія, какъ въ это время. Самые умные и смѣлые туземцы приняли въ немъ участіе, и сибирскій генераль сошелся на одномъ поприщѣ съ сибирскимъ мѣщаниномъ, протестуя противъ узурпатора.

Какой-то иркутскій мѣщанинъ вышелъ изъ Иркутска тайно, и черезъ тайги, черезъ китайскія владѣнія, прошелъ въ Россію и Петербургъ, и подалъ самому императору доносъ о паникѣ, наведенной на Сибирь. Когда государь выслушалъ его, онъ сталъ просить смерти, потому что, говорилъ онъ, все равно, онъ долженъ умереть отъ агентовъ Пестеля. Онъ шелъ изъ Сибири, подвергаясь опасностямъ тайги, чтобъ только заявить о положеніи своей родины и умереть, не дождавшись перемѣны. Государь долженъ былъ едать его, подъ личную отвѣтственность за его безопасность, тогдашнему коменданту Петербурга Милорадовичу.

Другимъ доносчикомъ былъ генераль Куткинъ. Онъ написалъ министру Трошинскому нелишенное силы прошеніе, которое въ тогдашнемъ официалномъ мірѣ Сибири было признано цвѣткомъ сибирской доносчической литературы, а въ сибирскомъ обществѣ эта жалоба, въ которой повременамъ слышится протестъ за цѣлую страну, ходила тайно по рукамъ въ тысячѣ копій въ теченіе цѣлаго полустолѣтія. Мы приводимъ здѣсь это прошеніе въ значительныхъ выдержкахъ, потому что оно можетъ служить для оцѣнки тогдашняго правосудія въ Сибири, и кромѣ того подтверждаетъ высказанное нами выше мнѣніе о противоположныхъ стремленіяхъ сибирскаго начальства и сибирскаго общества.

„Во время кроткаго и милосерднаго царствованія и посреди вѣку просвѣщеннаго, — говоритъ Куткинъ въ своемъ прошеніи, — лишился я чести, свободы и всѣхъ правъ человѣческихъ, безъ суда и приговора; седьмой уже годъ страдаю я подъ стражей по представленіямъ сибирскаго генераль-губернатора, никогда и никѣмъ неразсмотрѣнныхъ. Въ теченіе сего времени не нашли ни единой вины, но содержать подъ девятью штыками, какъ злостнаго убійцу или возмутителя. Законы и правосудіе не могли оградить меня отъ

страшных угнетений и не потребовали ответственности за посяганіе меня передъ цѣлымъ обществомъ, за вверженіе недостойнымъ образомъ въ заточеніе, за воспрещеніе видѣть родъ человѣческій и за пресѣченіе всѣхъ съ онымъ сношеній моихъ“.

Куткинъ жаловался сенату, сенатъ сдѣлалъ запросъ генераль-губернатору, послѣдній отперся, сказавъ, что онъ не заключалъ Куткина, а потомъ сенатъ болѣе уже не спрашивалъ генераль-губернатора. Повелѣніе отправить Куткина въ Петербургъ перетолковано совсѣмъ въ обратномъ смыслѣ, будто сибирскому генераль-губернатору предоставлено право избрать мѣсто, гдѣ бы содержать Куткина; „приличный надзоръ“ перетолкованъ Пестелемъ въ строгое содержаніе подъ стражей; Высочайшее повелѣніе о содержаніи подъ пристойнымъ надзоромъ Пестель утаилъ отъ сената, а между тѣмъ изхлопоталъ изъ сената неопредѣленный указъ объ оставленіи Куткина въ прежнемъ положеніи; это „прежнее положеніе“ въ рукахъ Пестеля превратилось еще въ болѣе строгое заключеніе. Пестель старался добыть отъ сената такіа распоряженія, которыя противорѣчили бы высочайшимъ повелѣніямъ, и тѣмъ создавалъ себѣ возможность обходить верховную власть, выбирая изъ многихъ предписаній только тѣ, которыя были ему выгодны. И это было въ самое либеральное время царствованія Александра. Куткинъ былъ заключенъ въ 1807 г. Онъ старается сопоставить свѣдѣніе съ словами манифеста 18 мая 1814 г.: „чувство рабства незнаемо сердцу Россіянина“, которыя отзывались ироніей надъ его судьбой. Указы правительствующаго сената, которые должны бы были облегчать участь Куткина, оставались подъ сукномъ. „Такимъ образомъ, говоритъ Куткинъ, они давно уже освободили себя отъ исполненія повелѣній верховнаго правительства. Произволь сибирскаго генераль-губернатора заступилъ въ Сибири мѣсто законовъ. Законы издаются для всеобщаго исполненія—неужели сибирскій генераль-губернаторъ считаетъ себя исключеніемъ? Что это дѣйствительно, то это мы сильно чувствуемъ“.

„Сибирское царство, управляемое единымъ скипетромъ самодержца всероссійскаго, никогда не отдалялось отъ его власти и не исклю-

чалось отъ обязанности принимать его законы, или останавливать изліяніе щедротъ его. Но опытъ надо мной показалъ, что сибирскій генераль-губернаторъ можетъ длить мои мученія, вопреки велѣнію милосердаго монарха. Чтобы посягнуть на противный его милосердію поступокъ, надо имѣть сильную увѣренность, что никто не посмѣтъ сдѣлать протеста и всякая жалоба останется безъ успѣха; иначе опасно и помыслить безъ трепету о томъ самовластіи, которое присвоилъ себѣ сибирскій генераль-губернаторъ; оно доведено до той точки, далѣе которой идти нельзя; преслѣдовать частное лицо въ ущербъ верховной власти есть дѣло, превышающее обязанности подданнаго, и не можетъ почесться неумышленнымъ. И такъ свобода моя, выѣздъ изъ Сибири и обнаруженіе дѣлъ сибирскихъ властителей приводитъ ихъ въ страхъ; это и было единственною причиною, что меня прятали отъ глазъ публики и принуждали къ молчанію, заставляя переносить невѣроятныя притѣненія. Одно только желаніе избавиться отъ меня прекращеніемъ дней моихъ отъ несносныхъ страданій побуждаетъ моихъ враговъ длить мое дѣло въ теченіе 7 лѣтъ. Горестно страдать за честное дѣло, но еще горестнѣе быть въ порабощеніи. Внутренній голосъ говоритъ мнѣ, что ваше в—ство имѣете одну только цѣль—пріобрѣсть память въ потомствѣ. Мудрый и патріотическій взоръ вашъ, брошенный на начальника Сибири, на эту страну и на времена, до сего бывшія, откроетъ вашему в—ству, что первый, оставя постъ свой, живетъ пять лѣтъ въ столицѣ не для чего, какъ для отраженія стоновъ и воплей, отсюда несущихся; сравненіе же настоящаго съ прошедшимъ убѣдитъ васъ, что до него не было ни жалобы, ни дерзкихъ, ни лбедниковъ, какъ угодно ему нарицать вопіющихъ отсюда: ибо ни чья судьба не стѣснялась. Сколько бы этихъ несчастныхъ, обзываемыхъ такъ несправедливо позорнымъ именемъ, открылось бы предъ правительствомъ, еслибъ оно признало за нужное обозрѣть этотъ край. Ссылка и заточеніе заградили уста многимъ, и особливо безгласному народу, въ имѣніи и жизни зависящему отъ мѣстнаго начальства. На здѣшнія слѣдствія и судъ полагаться невозможно. Кто осмѣлится сказать истину, когда опре-

дѣленіе, отрѣшеніе, награжденіе и наказаніе зависить отъ воли
единого *)“.

Доносы эти подѣйствовали. Впрочемъ правительство и безъ того
имѣло наклонность къ либеральнымъ мѣрамъ въ Сибири. Въ пра-
вительственныхъ кружкахъ явились сторонники новыхъ идей о ко-
лоніальной политикѣ. Министръ Козодавлевъ не иначе называлъ
Сибирь въ официальныхъ бумагахъ, какъ „эта Перу и Мехика
наша“, и въ то время, какъ въ Сибири свирѣпствовали Пестель и
Трескинъ, онъ проектировалъ для нея самоуправленіе. Онъ писалъ:
„при первомъ открытіи безпорядковъ въ Сибири, они были припи-
сываемы слишкомъ ограниченной власти начальниковъ, и потому
она была постепенно и всегда усиливается, когда новые сильнѣй-
шіе безпорядки открывались. Но поправленіе сибирскихъ губерній
симъ средствомъ оставалось безуспѣшно. Съ усиленіемъ власти на-
чальниковъ безпорядки и жалобы на притѣсненія усиливались. Не
распространяясь въ исчисленіи всѣхъ золъ, происходящихъ отъ са-
мовласти мѣстныхъ чиновниковъ, скажу кратко, что власть ихъ
должно ограничивать, а не распространять и не усиливать оную.
Учрежденіе верховнаго сибирскихъ губерній правительства изъ чи-
новниковъ, частію опредѣляемыхъ отъ правительства, частію изби-
раемыхъ отъ тамошнихъ жителей разныхъ сословій можетъ ограни-
чить власть начальниковъ **)“. Вскорѣ, какъ просилъ Куткинъ,
былъ присланъ въ Сибирь Сперанскій, чтобы послѣ личнаго озна-
комленія съ краемъ даровать ему новыя учрежденія, гарантирую-
щія населеніе отъ произвола.

Сперанскій повидимому принадлежалъ къ числу людей, преувели-
чивавшихъ характеръ Сибири. Вѣроятно, онъ имѣлъ въ виду про-
ектъ Козодавлева, но, пріѣхавъ на мѣсто, онъ увидѣлъ страну во-
все не соответствовавшую составленному имъ прежде о ней мнѣ-
нію, страну безъ умственнаго развитія, безъ интеллигенціи, непод-
готовленную къ тѣмъ планамъ, которые онъ, можетъ быть, везъ ей.

*) Чт. въ Общ. Др. и Ист. Росс., 1864 г., т. IV.

**) Чт. въ Об. Др. и Ист. Росс., 1859 г. кн. III.

„Сибирь таже Русь, восклицает онъ въ разочарованномъ тонѣ, въ письмѣ къ своей дочери; тотъ же забитый народъ, тоже невѣжество, тѣ же пороки. Это страна удобная для ссылки и интересная въ минералогическомъ отношеніи (тутъ онъ впадаетъ какъ разъ въ тонъ противниковъ Козодавлева); но эта страна не имѣетъ вовсе задатковъ для основанія въ будущемъ гражданскаго общества.“ Такія безотрадныя мысли внушены были ему, конечно, тѣмъ печальнымъ зрѣлищемъ, какое представляло умственное состояніе Сибири. Либеральныя идеи, принесенныя Сперанскимъ, не нашли въ сибирякахъ того бочувствія, какого слѣдовало ожидать; истребляя зло, Сперанскій, вмѣсто того, чтобъ встрѣтить въ обществѣ поддержку, долженъ былъ бороться съ нимъ; вмѣсто людей свободныхъ, какъ тогда думали о жителяхъ Сибири, незнавшихъ крѣпостничества, онъ встрѣтилъ людей, боявшихся чтобъ самого Сперанскаго не арестовалъ и не упекъ исправникъ Лоскутовъ, наводившій страхъ на крестьянъ своими жестокостями. Только два сибиряка помогли Сперанскому — Словцовъ и Батинковъ. Въ этихъ людяхъ, кажется, заключалась вся интеллигенція края. Во второй разъ Сибирь оказалась глухою къ призыву прогрессивныхъ людей.

Сперанскій составилъ для Сибири уложеніе. Онъ старался придать единство сибирскому управленію, въ то же время ограничивъ власть генераль-губернаторовъ. До этого времени многія части управленія въ Сибири не зависѣли отъ генераль-губернаторовъ; часто распоряженія генераль-губернатора парализовались бездѣйствіемъ независимыхъ вѣдомствъ, въ особенности если существовали между властями недружелюбныя отношенія. А они почти всегда были такія, потому что въ эти отдѣльныя вѣдомства переходили чиновники, гонимые генераль-губернаторомъ; здѣсь они, оставаясь въ краѣ, безнаказанно вели борьбу съ генераль-губернаторомъ; понятно, что генераль-губернаторы стремились подчинить своей власти всѣ отрасли управленія, чтобы гонимые не могли найдти убѣжища въ краѣ; такъ Пестель старался подчинить себѣ провіантское вѣдомство; одинъ изъ генераль-губернаторовъ западной Сибири добивался подчиненія ему таможенныхъ чиновниковъ, другой

торнаго вѣдомства, которое въ восточной Сибири и подчинено тамошнему генераль-губернатору. Даже духовное вѣдомство, если не подчинялось официально, то иногда было доводимо генераль-губернаторами до подчиненности.

Въ видахъ устраненія безурядицы въ сибирскомъ управленіи, Сперанскій старался въ своемъ уложеніи, чтобы „средоточіемъ всѣхъ частей управленія достигнуть того, чтобы части сіи одна другой содѣйствовали и весь составъ управленія представлялъ нѣчто цѣлое и совокупное“. Но съ этимъ сосредоточеніемъ власти онъ находилъ тѣмъ болѣе неизбѣжнымъ ограниченіе ея; намъ неизвѣстно, проэктировано ли имъ уложеніе въ томъ видѣ, въ какомъ оно введено, или оно измѣнено безъ его участія: только въ уложеніи генераль-губернаторская власть ограничена не собраніемъ представителей отъ туземнаго населенія, какъ предлагалъ Козодавлевъ, а совѣтомъ, составленнымъ изъ агентовъ отъ министерствъ. Сомнительно, чтобы самъ Сперанскій уменьшилъ до этого свою реформу, и не понималъ, какъ мало это учрежденіе будетъ обезпечивать населеніе отъ произвола генераль-губернаторовъ. По всей вѣроятности, измѣненіе это совершено въ угоду аракчеевцамъ, которые тогда смѣнили либераловъ; и такъ отъ реформы Сперанскаго осталась опять-таки въ наслѣдіе сосредоточенная власть генераль-губернаторовъ, съ призрачнымъ ограниченіемъ.

Въ то время, какъ Сперанскій возвращался изъ Сибири, въ западную Сибирь пріѣхалъ уже генераль-губернаторомъ Капцевичъ, одинъ изъ любимцевъ Аракчеева; вступая въ должность, Капцевичъ обѣщался доказать на опытѣ осуществимость и плодотворность аракчеевскихъ плановъ. Съ этой поры начинается управленіе, характеристика котораго состоитъ изъ двухъ чертъ: узкія цѣли и казовая цивилизація. Чтобы осуществить любимую мечту Аракчеева, Капцевичъ сталъ заводить на Иртышѣ военное поселеніе, завелъ казенное хлѣбопашество, казенныя овчарни, мельницы, фабрики; все это, какъ оказалось впоследствии, сильно раззорило казну; одно казенное хлѣбопашество нанесло казнѣ убытокъ въ 300,000 р. Эти убытки прикрывались благовидной наружностью; раз-

неся слухъ о посѣщеніи Сибири однимъ высокимъ лицомъ; Капцевичъ выгналъ тысячи народа на дорогу отъ Тюмени до Тобольска; работали въ декабрѣ мѣсяцѣ, множество умерло отъ горячки, но дорога была проведена; въ Омскѣ на этотъ случай были одѣты тесомъ и раскрашены на казенный счетъ всѣ дома, которые стояли по улицѣ, по коей предполагался проѣздъ особы.

Либеральныя эпохи едва отражались на условіяхъ эксплуатаціи Сибири, и потому на картинѣ послѣдней совѣтъ не видно ихъ вліянія. Сначала чисто фискальный характеръ эксплуатаціи, современемъ превратился въ покровительственный русскимъ мануфактурамъ. Правительство стало разными мѣрами вытѣснять окончательно ввозъ азіятскихъ фабрикатовъ, подорванный въ половинѣ прошлаго столѣтія прекращеніемъ контрабанды мѣховъ.

Вотъ цифры по кяхтинской торговлѣ, рисующія, какихъ блестящихъ результатовъ достигла эта протекціонная политика.

Въ концѣ прошлаго столѣтія китайскіе привозные товары состояли преимущественно изъ мануфактурныхъ издѣлій, въ особенности изъ бумажныхъ и шелковыхъ тканей; такъ наприм., китайки привозилось болѣе 300,000 тюней; дабы до 380,000 концовъ. Чай же составлялъ въ это время только 15% общаго ввоза. Между тѣмъ русскій отпускъ въ половинѣ столѣтія исключительно состоялъ изъ пушныхъ товаровъ, преимущественно сибирскихъ и отчасти иностранныхъ. Только въ концѣ столѣтія (1770 г.) начался вывозъ русскихъ бумажныхъ и суконныхъ издѣлій, который и достигъ къ концу столѣтія до цифръ: чешуйки и тигу до 15,000 арш., а суконъ до 200,000 арш. Странно, что г. Самойловъ, авторъ статьи, которою мы пользуемся, (*) отзывается, будто русскіе товары составляли тогда для китайцевъ необходимость, китайскіе же, за исключеніемъ одного ревеня, будто служили у насъ только для удовлетворенія роскоши. Когда такъ смотрятъ на кяхтинскую торговлю нѣкоторые люди теперь, то прежде такъ смотрѣли всѣ, и лучшіе люди, увлекаясь государственной пользой, хлад-

*) Сборникъ статис. свѣд. о Россіи, изд. П. Русс. Геогр. Общ., кн. II, 1854 г.

покровно смотрѣли на закрытіе кяхтинскаго торго. Слѣдствіемъ этихъ воззрѣній были мѣры 1800 года.

15 марта 1800 г. былъ изданъ новый тарифъ для кяхтинской таможи и особыя правила для торгующихъ въ Кяхтѣ русскихъ купцовъ. Обѣими мѣрами правительство хотѣло достигнуть, „чтобы при обмѣнѣ русскіе товары сколько возможно были понижаемы въ цѣнѣ, а китайскіе повышаемы“, т. е. чтобы русскіе ситцы становились и съ провозомъ до Кяхты дешевле китайскихъ китайскъ и дабъ. Таеъ какъ китайцы, торговавшіе въ Маймачинѣ и составлявшіе нѣсколько компаній или фузъ, кромѣ того при оцѣнкѣ русскихъ товаровъ дѣлали еще общую ставку, положенія которой ни одна фуза не рѣшалась нарушить, и такимъ образомъ всегда понижали цѣны русскихъ товаровъ, то русское правительство постановило, чтобъ и русскіе купцы ввели у себя подобную же организацію.

Только черезъ 10 лѣтъ послѣ изданія этого тарифа отношеніе товаровъ сдѣлалось обратное; съ 1822 г. китайки поступало уже неболѣе 40 т. тюней, а дабъ нѣ болѣе 18 т. концовъ; вообще привозъ китайскихъ мануфактурныхъ издѣлій, достигавшій въ 1824 г. 984,000 р. с., въ 1830 г. уменьшился до 150,000 р. с. Чай начинаетъ съ этого времени составлять главнѣйшую часть ввоза изъ Китая. Напротивъ, вывозъ русскихъ мануфактурныхъ издѣлій такъ увеличился въ это время, что составлялъ половину всего вывоза. Въ позднѣйшій періодъ съ 1831 по 1848 г. въ русскомъ вывозѣ мягкая рухлядь относилась уже къ русскимъ мануфактурнымъ товарамъ, какъ 1: 3, а послѣдніе составляли отъ $\frac{3}{5}$ до $\frac{2}{3}$ всего вывоза. Однихъ суконъ вывозилось до милліона аршинъ. Между тѣмъ китайскій ввозъ состоитъ преимущественно изъ чая: 90% всего ввоза; мануфактурныя же китайскія издѣлія составляютъ только $\frac{1}{7.5}$. Ввозъ многихъ товаровъ, какъ наприм., фарфоровой посуды, значительно сократился, а другихъ, какъ наприм., шелку, бадьяну и бархату совсѣмъ прекратился.

Такимъ образомъ китайскіе фабрикаты были вытѣснены русски-

ми не только въ Сибири, но отчасти и въ самомъ Китаѣ. Тоже самое случилось и въ западной Сибири, въ торговлѣ съ Бухаріею.

Иногда этотъ протекціонизмъ не ограничивался однимъ тарифомъ и торговыми правилами, но распространялся на мѣстное хозяйство и доходилъ до мелочей. Этотъ протекціонизмъ разсматривалъ оренбургскій и сибирскій край, какъ рынки для сбыта московскихъ фабрикатовъ, и для производства сырья и хлѣба, а киргизскую и монгольскую степи, какъ рынки тѣхъ же фабрикатовъ и оренбургскаго и сибирскаго хлѣба. Въ оренбургскомъ краѣ эту систему сначала приложилъ Сухозанетъ, а потомъ Перовскій; въ киргизской степи доводили ее до того, что запрещали киргизамъ заводить зимовья, но теплые дворы для скота не были запрещены, такъ какъ страна признавалась предназначенною природою къ скотоводству; такимъ образомъ здоровье народа было поставлено ниже здоровья скота.

Въ западной Сибири таже система господствовала при генераль-губернаторѣ Гасфордѣ; линейнымъ казакамъ, наприм., запрещали носить халаты изъ бухарскихъ шелковыхъ и бумажныхъ тканей и пить китайскій чай; напротивъ, приказывали носить трико-вые пальто и панталоны и заниматься земледѣліемъ.

Этотъ протекціонизмъ, въ жертву которому приносились первыя нужды простонародья, былъ выгоденъ въ Сибири только купцамъ, классъ которыхъ возросталъ все болѣе и болѣе, и теперь своею многочисленною составляетъ не послѣднюю тягость страны. Этотъ классъ былъ всегда обремененъ людьми; но, вмѣсто того, чтобъ выдѣлать излишекъ для занятій фабричною промышленностью въ Сибири, при существующемъ направленіи торговой политики, въ нѣдрахъ внутренней торговли происходило только ненужное для страны раздѣленіе труда, отчего товаръ, прежде чѣмъ достигалъ до покупателя, проходилъ черезъ лишнія руки.

При такой неустойчивости либеральных возрвнй на Сибирь, эксплуатація ея естественныхъ богатствъ не могла совершаться рационально. Сначала Сибирь привлекала къ себѣ рабочихъ своимъ соболинымъ промысломъ; въ XVII столѣтіи изъ Сибири ничего не вывозили, кромѣ соболей. Это богатство было выработано изъ страны безъ всякой пользы для нея. Купцы составили себѣ капиталы, правительство платило соболями субсидіи, а въ Сибири въ это время рабѣчій народъ былъ въ кабалѣ, въ покрученичествѣ, нисходилъ на степень вьючнаго скота, таская на себѣ товары черезъ волоки на партахъ, терпѣлъ голодъ, цингу и другія напасти. XVII столѣтіе даже не оставило богатыхъ храмовъ въ Сибири, несмотря на свою религіозность. Это показываетъ, что все сбереженія сибирскаго труда расхищались администраціей.

Тѣже результаты были и отъ золотопромышленности. Это производство было также дурно организовано, какъ и соболинъй промыселъ. Правда, можетъ быть, сибирское крестьянское населеніе и приобрѣло отъ золотопромышленности нѣкоторый комфортъ, но комфортъ не составляетъ всего, что можно и слѣдовало ожидать отъ золотопромышленности; золотопромышленность, а также кяхтинскій торгъ, существуя уже въ позднѣйшую эпоху, когда благотворительность приняла утилитарное направленіе, могла бы оставить послѣ себя на память Сибири, кромѣ временного комфорта, много прочныхъ заведеній, которыя бы служили на пользу отдаленному потомству. Отъ нихъ страна вправѣ была ожидать высшаго учебнаго заведенія, дорогъ, канализаціи и другихъ улучшеній. Но вотъ теперь кяхтинскій торгъ прекратился — чѣмъ же сибирское населеніе помянетъ эту кяхтинскую фзузу, кромѣ воспоминаній о безобразіяхъ въ Кяхтѣ? Столько же памятниковъ останется и отъ золотопромышленности.

Золотые приски, какъ по свойству работъ и мѣстности, въ которой находятся, такъ еще болѣе, вслѣдствіе ограниченія права заниматься этимъ промысломъ только немногими сословіями, вели къ скопленію богатствъ въ немногихъ рукахъ.

Рабочій классъ снова впаль при золотопромышленности въ со-

стояніе, въ какомъ онъ находился во время періода соболиной промышленности. Невозможность для рабочихъ самимъ снабжать себя пищевыми припасами, опять поставила его въ опеку золотопромышленника; послѣдній обратился изъ хозяина въ полицейскаго чиновника, судилъ и наказывалъ рабочаго; а рабочій снова снизошелъ на степень вьючнаго скота и каторжнаго. Пріискъ напоминалъ своими чертами скорѣе тюрьму, чѣмъ что-нибудь другое; бритье головъ для предупрежденія бѣгства, приковываніе къ тачкѣ, ненужное расколачиваніе молотомъ каменной глыбы — вотъ наказанія, которыя золотопромышленники, не изобрѣтая сами, заимствовали просто изъ устава, который вовсе не соотвѣтствовалъ заведенію, куда люди сошлись работать по договору. Кажется, и соболиный промыселъ не низводилъ такъ низко сибирскаго рабочаго.

Золотые пріиски стоятъ въ однихъ условіяхъ съ ватагами Каспійскаго моря, и многими чертами напоминаютъ плантаторскія колоніи. Тоже стремленіе къ закабаленію людей, если не къ невольничеству, тотъ же абсентеизмъ; мѣстныхъ интересовъ нѣтъ, нѣтъ ни учебныхъ заведеній, никакихъ общественныхъ учрежденій. Отсутствіе всего этого на золотыхъ пріискахъ еще болѣе сильно, чѣмъ на плантаціяхъ; тамъ, по крайней мѣрѣ, есть осѣдлое населеніе; здѣсь его нѣтъ, потому что пріискъ, когда выработается, долженъ быть брошенъ, а это требуетъ непродолжительнаго времени. Когда антрепренеръ находится въ такихъ легкихъ связяхъ съ почвою и населеніемъ, въ немъ не можетъ появиться чувство солидарности съ послѣднимъ, и отъ золотопромышленности, такъ организованной, нечего и ждать пожертвованій въ пользу улучшенія быта въ странѣ.

Тоже слѣдуетъ сказать и о Кяхтѣ. Эта богатая торговая слобода стояла среди Сибири уединенно, безъ всякой связи съ интересами страны, какъ всѣ другія торговыя колоніи. Все, что говорится о торговыхъ колоніяхъ, примѣнимо и къ Кяхтѣ, въ особенности какая-то раздражительность къ неприкосновенности своихъ интересовъ. Чувствуя, что эта раздражительность составляетъ порокъ, кяхтинская фуза старалась прикрыть его какими нибудь

возвышенными идеями, напимѣрь, государственными выгодами сибирскаго престопаодья. Такъ, кяхтинцы недавно начали было увѣрять, что ими только и живетъ Сибирь, потому что они вызываютъ въ странѣ обширный промыселъ извозничествомъ, которымъ только Сибирь и кормится; на этомъ основаніи они требовали сохраненія своей монополіи; эта заботливость объ извозчикахъ, однакожь не помѣшала имъ просить правительство о проведеніи желѣзной дороги черезъ всю Сибирь, отъ Тюмени до Амура. Далѣе кяхтинцы начали увѣрять, что передвиженіе ихъ капиталовъ производить нравственное общеніе Россіи съ Сибирью, и что, въ противномъ случаѣ, послѣдуетъ разрывъ, и много другого они выдумали, чего не стоитъ и опровергать.

Вотъ какъ отозвался о Кяхтѣ человекъ, искренно желающій развитія русской чайной торговли: „Сибирь нисколько не разбогатѣла отъ вѣковаго благоденствія въ ней чайной монополіи; большіе капиталы только прикасались къ ней, чтобъ потомъ попасть въ руки ей чуждыя; она не насыщалась у заѣзжихъ изъ Россіи гостей, а сама сытно питала ихъ, подбирая себѣ крохи отъ заработковъ при операціяхъ въ чайной торговлѣ. И откуда взялась привязанность у этой корпораціи къ Кяхтѣ, откуда возродилась въ нихъ такая заботливость объ этомъ отдаленномъ сибирскомъ краѣ, когда большинство лицъ, составляющихъ эту корпорацію, вовсе не принадлежитъ къ числу коренныхъ жителей Кяхты?“ (*)

Отъ характера этихъ колоній произошло въ Сибири то, что жилились только скупщики мѣховъ, золотопромышленники и кяхтинскіе торговцы. Сибирское населеніе трудилось, а все сбереженіе отъ труда очутилось въ рукахъ золотопромышленниковъ и кяхтинскихъ кулаковъ.

Третій родъ колонизаціоннаго труда въ Сибири — земледѣліе. Земледѣльческая колонизація и здѣсь отличается тѣми же чертами, какъ въ западно-европейскихъ колоніяхъ. Къ сожалѣнію, долго земледѣльческій трудъ не былъ господствующимъ; звѣроловче-

*) Наши дѣла въ Китаѣ, Скачкова.

скій періодъ продолжался до конца прошлаго столѣтія; въ это время въ Сибири начинаютъ развиваться городская жизнь, ремесла и кой-какія фабрики; цѣны на хлѣбъ около городовъ начинаютъ повышаться; звѣроловы выходятъ изъ тайги и селятся по берегамъ рѣкъ. Но въ 30-хъ годахъ открывается золотопромышленность, капиталы устремляются снова въ тайгу, заводы падаютъ и земледѣльческо-колонизаціонный характеръ эксплуатаціи заслоняется опять антрепренерскимъ. Въ этомъ мы видимъ одно изъ существующихъ отличій сибирской колонизаціи отъ сѣвероамериканской; къ счастью послѣдней, золотыя пріиски, которые служили приманкой для колонистовъ, оказались мифомъ, а производство табака скоро оказалось невыгоднымъ и уступило мѣсто земледѣлію, и съ тѣхъ поръ земледѣльческій характеръ колоніи не измѣнялся. Въ Сибири развѣ только теперь, съ упадкомъ золотопромышленности, земледѣльческій трудъ начинаетъ придавать свою характеристику цѣлому краю, хотя это производство по своимъ размѣрамъ и давно было господствующимъ. До настоящаго времени совмѣстное существованіе золотопромышленнической эксплуатаціи съ земледѣльческою, переносило характеръ первой и на послѣднюю; земледѣліе отличалось также хищническимъ характеромъ. Въ этомъ отчасти виноваты и самъ земледѣльческій классъ; въ прошломъ столѣтіи крестьяне въ Сибири не любили долго сидѣть на одномъ и томъ же мѣстѣ, и часто переселялись; въ томокой губерніи жили на одномъ мѣстѣ только по тридцати лѣтъ, и, истощивъ почву, переселялись на другое мѣсто; вызовъ правительства къ переселенію на новыя мѣста всегда былъ встрѣчаемъ съ такою готовностью, что цѣлыя края, до того густо населенные, превращались въ пустыню. Но какъ ни справедливы крики противъ такого расхищенія силъ природы, это явленіе составляетъ историческую неизбѣжность. Всякой степени населенности края соотвѣтствуетъ извѣстная степень тщательности въ обработкѣ продуктовъ; несоблюденіе этого правила можетъ только раззорить. Неразумно, наприм., требовать отъ золотопромышленниковъ, чтобъ они выработывали все золото изъ пластовъ, не остав-

для пылинки въ отвалахъ; въ противномъ случаѣ, пылинка можетъ выйдти дороже золотника, и подобная погоня за пылинкой есть въ настоящее время бесполезное плюшкинство. Придетъ время, удешевятся способы и орудія, будутъ и отвалы разработаны. То же самое прилагается и къ земледѣлю въ дѣвственной странѣ. Поэтому мы сожалѣемъ не о расхищеніи почвы, происходившемъ отъ невѣжественнаго обращенія съ нею крестьянъ, а объ расхищеніи сбереженій отъ земледѣльческаго труда, къ которому вели планы и дѣйствія нѣкоторыхъ сибирскихъ администраторовъ.

Съ XVII столѣтія сибирскіе хлѣбопашцы, въ видахъ продовольствія войскъ, обязаны были платить хлѣбный оброкъ и обработывать десятинную пашню. Каждый свободный земледѣлецъ въ Сибири вносилъ оброчнаго хлѣба въ казну 3 пуда съ десятины; другіе, вмѣсто оброчнаго хлѣба, должны были обработывать 2 десятины, на которыхъ засѣвались казенныя сѣмена, и весь урожай съ этихъ десятинь сдавался въ казну. Эти сборы и повинности не избавляли отъ податей, а служили только замѣной obroka. Собираемый хлѣбъ служилъ провіантомъ не только для войскъ, но и для чиновниковъ.

Эта натуральная повинность тѣмъ дольше держалась въ странѣ, что въ ней, до введенія бумажекъ, было мало денегъ. Звонкая монета, ходившая въ странѣ, разными способами извлекалась въ государственную казну; такъ въ 1752 г., во время войны за Австрійское наслѣдство, для извлеченія серебра и вымѣна его, было выпущено изъ екатеринбургскаго монетнаго двора 1 милл. рублей мѣдной монеты. — Вынужденный этимъ безденежемъ, сибирскій губернаторъ половины прошлаго столѣтія Соймоновъ хотѣлъ весь оброчный хлѣбъ обратить въ десятинную пашню. Это ему удалось осуществить сначала въ нерчинскомъ краѣ въ 1759 г., гдѣ хлѣбъ былъ нуженъ для заводовъ. Приэтомъ онъ записалъ на десятинную пашню до 3400 душъ бобылей, посадскихъ; занимавшихся ремесломъ или неимѣвшихъ имущества, и лицъ, просрочившихъ паспорта. Этой насильственной мѣрой онъ спасъ заводы отъ закрытія. „Какіе огромные капиталы, говоритъ Словцовъ по

этому поводу, потребовались бы для прокормления заводов хлѣбомъ, покупаемымъ въ Красноярскѣ, между тѣмъ какъ заводы давали черезъ 6 лѣтъ только отъ 139 по 176 п. серебра.“ Года черезъ два Соймоновъ ввелъ десятинную пашню въ селенгинскомъ уѣздѣ для продовольствія войскъ въ Забайкальѣ. Въ 1760 г. онъ ввелъ ее вмѣсто оброчнаго хлѣба въ уѣздахъ — ишимскомъ и ялutorовскомъ, для снабженія провіантомъ иртышскихъ крѣпостей. Въ слободахъ Утяцкой и Курганской произошелъ даже бунтъ отъ этого насилія. Правда, мѣра Соймонова относительно Забайкалья была плодотворна для тамошняго земледѣлія, но распространять ее на все сибирское земледѣліе было неразумно; это одинъ изъ рѣзкихъ примѣровъ, какъ администраторы, мѣропріятіе, полезное въ одномъ мѣстѣ, легко превращаютъ въ цѣлую исключительную систему, прилагаемую къ цѣлой странѣ. Это увлеченіе легко объяснить тѣмъ, что и въ Забайкальи мѣра Соймонова была вызвана не столько нуждами мѣстнаго земледѣлія, сколько желаніемъ поддержать заводы. Разъ поставивъ второстепенный предметъ на первый планъ, Соймоновъ неизбѣжно долженъ былъ и въ другихъ случаяхъ поступить также. Несмотря на курганскій бунтъ, Соймоновъ продолжалъ однакожъ настаивать на распространеніи казенной запашки, прибавивъ къ хлѣбу еще пеньку, до 1762 г., въ которомъ Сенатъ не только не одобрилъ его плановъ, но ввелъ вмѣсто оброчнаго хлѣба денежную повинность, хотя и очень увеличенную противъ прежняго, именно велѣно было собирать сверхъ семигривенной подати, еще по 1 рублю съ ревизской души. Судя по тогдашней цѣнѣ, 1 р. соответствовалъ въ натурѣ 60 пудамъ хлѣба. Не смотря на это, мѣра эта измѣнила положеніе сибирскаго земледѣльца къ лучшему. Кажется, Соймоновъ мѣшалъ введенію этой мѣры, потому что она была распространена по Сибири не вдругъ, а медленно. Соймоновъ внушилъ свой планъ своему преемнику, и, сдѣлавшись съ 1763 г. сенаторомъ, продолжалъ вмѣстѣ съ нимъ подавать въ Сенатъ докладныя записки, настаивая на расширеніи казенной пашни. Все это дѣлалось для того, чтобъ имѣть для войскъ и заводовъ хлѣбъ недороже 5 коп. за пудъ!

Жаль, что нѣтъ данныхъ, чтобы высчитать, какой капиталъ потеряло на казенной пашиѣ земледѣльческое сословіе. Словцовъ приписываетъ ей то обстоятельство, что многія земли долго лежали впустѣ, хотя и могли бы быть обрабатываемы, а также, что чулымскіе татары и буряты долго не приступали къ земледѣлію. (*)

Позже, иркутскій губернаторъ Трескинъ, въ видахъ снабженія хлѣбомъ запасныхъ магазиновъ и казенныхъ винокуренныхъ заводовъ, ввелъ обязательныя на хлѣбъ цѣны; влияніе этой мѣры было равносильно мѣрѣ Соймонова; но мало того, что земледѣльческой трудъ при этомъ пересталъ оплачиваться, сбереженія, какія могло бы получить отъ него населеніе, а даже, быть можетъ, болѣе, чѣмъ сбереженія, составленныя изъ однихъ только избытковъ, перешли при этомъ въ карманы чиновниковъ.

Принудительныя цѣны на хлѣбъ и теперь еще существуютъ въ восточной Сибири и составляютъ обыкновенный сюжетъ иркутскихъ корреспонденцій въ газетахъ.

И такъ хлѣбъ, третій продуктъ Сибири, подвергался той же участи, какъ и другія колоніальныя произведенія; именно, и на этотъ необходимый съѣстной припасъ устанавлилась номинальная цѣна, несоотвѣтствовавшая внутренней цѣнности. Притомъ же, такъ какъ при этомъ были всегда большія злоупотребленія, то мѣры эти оканчивались только тѣмъ, что сбереженія, какія могли образоваться отъ земледѣлія, попадали въ руки чиновниковъ, которые отъ этого богатѣли, становились набобами и заводили винокуренные заводы.

Къ описанной выше хищнической дѣятельности прибавилось еще одно средство — это продажа земель; въ округахъ курганскомъ, омскомъ и томскомъ, въ самыхъ плодородныхъ и густонаселенныхъ въ Сибири, предпринята продажа мѣстъ; мѣра эта, кажется, мотивируется желаніемъ создать въ краѣ сословіе, одаренное преимуществами быта, и потому приверженное къ порядку и покою, а также желаніемъ вызвать улѣчшенія и нововведенія въ сельскомъ

*) Словцовъ Истор. Обзор. Сиб. т. II.

хозяйствѣ въ Сибири. Прежде чѣмъ начать продажу, были приведены въ извѣстность пустопорожнія земли; но подъ этимъ сначала разумѣлись абстрактныя цифры земель, которыя составляли излишекъ противъ надѣла крестьянъ, считавшагося за-глаза достаточнымъ. Сами же сибирскіе крестьяне не знали никакихъ пустопорожнихъ земель, имъ даже казалось тѣсно въ Сибири, потому что дѣйствительно противъ прежняго едѣлалось тѣснѣе, хлѣбопашенныя мѣста, которыя только выгодно было распахивать, всѣ распахивались, хоть и не каждый годъ, а мѣста незаселенныя, тайги, кедровники, считались „божьей пазухой“, предоставленной безраздѣльно въ пользованіе всему крестьянству, сколько его на свѣтѣ есть. Они очень были озадачены, когда вдругъ оказались пустопорожними землями вовсе не абстракты, а самыя лучшія мѣста въ ихъ дачахъ, пользовавшіяся доброй славой постоянноурожайныхъ земель, и служившія всегда выручкой крестьянъ въ дурные годы. Это „увѣчье земли,“ какъ называетъ народъ въ Сибири эту мѣру, ведетъ къ тѣмъ же результатамъ, что и въ самарской губ. и въ Башкиріи, разумѣется только здѣшніе Плѣхановы, Шахобаловы мельче плаваютъ. Для высокопоставленныхъ особъ было невыгодно получать здѣсь земли, какъ въ самарской губ., лежащей на Волгѣ! Нѣкоторые свѣжеиспеченные землевладѣльцы, преимущественно чиновники, стараются поддержать возложенную на нихъ надежду, и хотятъ заводить хозяйства съ машинами и пр. Но большинство или сдаетъ ихъ въ аренду, или хлѣбопашенныя мѣста обращаетъ подъ скотоводство, словомъ, земля передается расхищенію. А между тѣмъ продажа земель совершается въ полосѣ, извѣстной по своему чернозему, и кормившей Сибирь во все время ея существованія.

Замѣчательно, что новые землевладѣльцы, неуспѣвшіе еще увидѣть на картѣ свою землю, уже находятъ защитниковъ, которые сочиняютъ апологіи этой мѣрѣ, а ихъ самихъ представляютъ въ видѣ будущей интеллигенціи края (Улита-то ѣдетъ, да когда-то пріѣдетъ!)—слѣдовательно они именно то, въ чемъ теперь Сибирь болѣе всего нуждается; эти защитники землевладѣльцевъ хотя въ

этомъ увѣрить и этимъ обольстить своихъ противниковъ, защитниковъ, какъ они думаютъ, землекрадства (т. е. системы, дающей поводъ къ захвату, и занятію земель по произволу, т. е. общиннаго землевладѣнія).

Не эти новые люди въ Сибири первые имѣютъ высокое понятіе о своей полезности для края; всѣ эксплуататоры сибирскаго труда такъ мнили о себѣ; золотопромышленники, кяхтинцы, ирбитяне и тюменцы, ратоборствующие теперь, кому слѣдуетъ приносить пользу Сибири посредствомъ ирбитской ярмарки, чиновники, набобы *et tutti quanti*. Къ этимъ влюбленнымъ въ себя эксплуататорамъ предвидится въ скоромъ времени присоединеніе новой породы людей, — это будущіе сибирскіе протекціонисты. Сибирское населеніе состоитъ изъ двухъ сословій: городского и крестьянства; послѣднее живетъ вдали отъ умственной жизни, не отрывается отъ сохи, и въ образованномъ классѣ Сибири играетъ роль мертвой цифры, городской же классъ образованныхъ туземцевъ состоитъ изъ однихъ купцовъ и мѣщанъ. Поэтому очень естественно, что первыя обнаружившіяся въ послѣднее время стремленія къ приобрѣтенію знаній имѣютъ тѣсный утилитарный характеръ; уже теперь можно опредѣлить направленіе зачатковъ мысли и мѣстнаго патриотизма; протекціонизмъ въ этой средѣ по всей вѣроятности сдѣлаетъ большіе успѣхи, такъ какъ сибирское купечество всегда отличалось протекціонистскими стремленіями въ ущербъ остальному населенію.

Недавно костромскіе протекціонисты рѣзко поставили на видъ свои желанія и потребности; г. Колопановъ, въ своей рѣчи, сказанной въ собраніи петербургскихъ сельскихъ хозяевъ (*), поставилъ вопросъ о тарифѣ на междуобластную почву, и такимъ образомъ и Сибирь получаетъ въ рѣшеніи его право голоса. Сибирь, судя по богатству лѣсныхъ пространствъ и залежей каменнаго угля, въ будущемъ предназначена быть страной мануфактурной, подобно сѣверной Россіи, сѣверной Европѣ и сѣвернымъ штатамъ Америки,

*) Спб. Вѣд., 1768 г. 20.

но до сихъ поръ она производила только сырье; понятно, что страна, бѣдная физически, только терять, если производить одно сырье, и потому развитіе фабрикъ и заводовъ есть насущная потребность этой страны.

Но при покровительствѣ, оказываемомъ московской мануфактурѣ въ видѣ тарифа, премій, ученыхъ изслѣдованій, сибирской промышленности не было возможности возникнуть; она нуждается въ покровительствѣ, или, по крайней мѣрѣ, въ ослабленіи неравномѣрно падавшей протекціонной системы. Это мнѣніе все болѣе и болѣе входитъ въ обращеніе въ Сибири, особенно между купеческимъ сословіемъ, но мы боимся, чтобъ и здѣсь не возникъ тотъ же ложный протекціонизмъ, который сталъ бы требовать огражденія мѣстныхъ заводовъ внутренними таможами. Это было бы, по нашему мнѣнію, послѣдовательное развитіе идей костромскихъ протекціонистовъ; но оно вовсе не соотвѣтствуетъ интересамъ сибирскаго простонародья. Хотя, вѣроятно, сибирскіе протекціонисты и будутъ часто ссылаться на выгоды населенія, но софизмы золотопромышленниковъ и кяхтинцевъ служатъ порядочнымъ урокомъ, чтобы не довѣрять этимъ самозванцамъ. Есть лучшее средство для этого, заслуживающее полного довѣрія и неспособное, по своему положенію, къ заднимъ мыслямъ—это община.

Община можетъ не только выполнить эту экономическую роль, но и создать самую здоровую интеллигенцію края и образовать народный капиталъ въ странѣ. Для этого необходимо призвать ее вновь къ жизни, которая въ ней замерла отъ бюрократической зависимости и недостатка коллективнаго духа. Современная сибирская община имѣетъ олигархическій характеръ; она состоитъ изъ богатыхъ крестьянъ, мироѣдовъ и бѣдныхъ, находящихся въ экономической зависимости отъ первыхъ; здѣсь, какъ и въ старой Сибири, задатки подл будущій трудъ ставятъ рабочихъ въ кабалу; богатые мужики уплачиваютъ за бѣдныхъ подати въ видѣ задатка на разные работы, конечно, гораздо дешевле, чѣмъ на самомъ дѣлѣ стоитъ трудъ; задатки господствуютъ во всей сибирской промышленности; они существуютъ и на золотыхъ приискахъ, гдѣ даже превышаютъ годовичную плату,

и на рыболовныхъ пескахъ, и въ торговлѣ съ инородцами, и въ звѣроловствѣ, и въ земледѣльческомъ трудѣ; сибирское населеніе состоитъ почти сплошь изъ разныхъ десятинщиковъ, подшкыртниковъ, покручениковъ, такъ что приведенныя выше слова Радищева не будутъ анахронизмомъ и въ настоящее время. Богатый крестьянинъ — самый низшій и самый многочисленный родъ эксплуататоровъ Сибири, и никто не пользуется такой дурной славой въ Сибири, какъ богатый мужикъ. “Нѣтъ болѣе лихого человѣка, какъ богатый крестьянинъ”, говорятъ въ Сибири. Эти люди составляютъ почти особое сословіе въ странѣ; есть цѣлыя деревни, домовъ въ 40, состоящія исключительно изъ богатыхъ мужиковъ, которые въ окрестныхъ деревняхъ имѣютъ своихъ подшкыртниковъ и десятинщиковъ. Это сословіе вызвано какъ существующей неудовлетворительной системой сбора податей, обращающей богатаго крестьянина въ поруки или даже въ сборщика податей, и безденежемъ въ странѣ, производимымъ неправильнымъ балансомъ торговли Сибири съ европейской Россіей, такъ и постояннымъ перевѣсомъ той суммы мѣстныхъ доходовъ, который отходитъ изъ страны ежегодно на общегосударственные расходы, надъ той суммой, которая идетъ на мѣстные расходы. Такое обращеніе общины въ чисто-фискальный органъ сопровождалось лишеніемъ ея всѣхъ другихъ функцій—суда и самоуправления. Волостное „согласіе“, — такъ называется сходка въ Сибири, — обратилось въ одну пустую форму; волостные писаря, которые должны бы подчиняться и отвѣчать передъ выборными чинами, превратились въ крестьянское начальство; такое положеніе дѣль тѣмъ хуже, что писаря неотвѣтственны за свои злоупотребленія; отвѣчаютъ безграмотные и часто неповинные выборные чины; отъ этого злоупотребленія остаются безнаказанными, и выборное начало не приноситъ никакой пользы.

Улучшеніе положенія общины—самая первая потребность сибирскаго края. Къ сожалѣнію, она до сихъ поръ задвигалась другими стремленіями мѣстнаго патриотизма, имѣющими меньшую важность. Улучшивъ ея положеніе, на нее можно возложить отправленіе тѣхъ трехъ функцій, для которыхъ теперь придумываются новые органы.

Такъ, община можетъ замѣнить проектируемыхъ землевладѣльцевъ въ скопленіи богатства и образованіи народнаго капитала; если у современной общины богатство плыветъ изъ рукъ, то это еще не свидѣтельствуетъ, что у нея не будетъ желанія и способностей удерживать его въ своихъ рукахъ, когда будутъ измѣнены мертвящія ея условія. Освобожденная отъ нихъ община не уступитъ землевладѣльцамъ въ стремленіи къ скопленію богатства, да при томъ и стимулъ этого стремленія будетъ нравственнѣе, чѣмъ конкуренція, основанная на борьбѣ; мѣсто этой зависти займетъ здѣсь заботливость объ общемъ добрѣ. Что это чувство присуще крестьянской общинѣ, можно видѣть на томъ, какъ крестьяне строятъ свои церкви, какъ они сколачиваются на иконостасъ, на колоколь и съ какимъ наслажденіемъ слышатъ, какъ первый ударъ колокола разнесется на далекое пространство отъ деревни, какъ потомъ крестьяне любятъ показывать свою церковь и передавать исторію ея постройки. А любовь крестьянъ къ своимъ полямъ? Абсентеистъ-землевладѣлецъ неспособенъ такъ любить свои поля, потому что безъ насилія нравственности не можетъ смотрѣть съ чувствомъ самодовольства на поля, обработанныя батракомъ. — Развѣ эта любовь крестьянъ не можетъ быть перенесена съ полей и церкви на школы, на общественныя машины и проч. Только этимъ путемъ можетъ земледѣліе быть улучшено, и можетъ образоваться капиталъ въ странѣ безъ тѣхъ пожертвованій, какія сопряжены съ землевладѣльческой культурой. Община одна способна водворить въ Сибири рациональное хозяйство; только при помощи ея дѣло обойдется безъ расхищенія чернозема сибирской равнины, къ которому подбираются сибирскіе землевладѣльцы, какъ сибирскіе капиталисты подберутся впоследствии къ каменному углю. Неужели и эти два источника богатства будутъ выработаны изъ страны съ той же необузданной алчностью, какъ были выработаны соболи и золото?

Говорятъ, что землевладѣльцы создадутъ въ Сибири интеллигенцію; доводъ выставляется, конечно, такой, что землевладѣльцы будутъ имѣть досугъ, не занимаясь грубымъ трудомъ, предоставляемымъ батракамъ; говорятъ, что крестьянинъ, при настоящемъ устрой-

ствѣ труда, всецѣло погруженъ въ заботы о насущномъ хлѣбѣ, что онъ не имѣетъ ни времени, ни лишнихъ денегъ заняться самоусовершенствованіемъ; что оттого-то въ Сибири и нѣтъ до сей поры мѣстной интеллигенціи, и что впредь не будетъ, пока не образуется привилегированное сословіе, помѣщики. Подобное средство цивилизаціи было современно, когда голодная смерть обобраннаго батрака въ пользу сытаго не возмущала никого; теперь же въ общинѣ открыто средство и болѣе плодотворное, и болѣе гуманное. Что же касается до нарѣканій общины въ застоѣ, которымъ отличалась ея жизнь до настоящаго времени, то справедливы ли эти нарѣканія? Можно ли отъ общины, въ теченіи трехъ сотъ лѣтъ безжалостно эксплуатируемой на всѣ лады, требовать того же, что можно требовать отъ новаго немногочисленнаго класса людей, выдѣленнаго изъ населенія и освобожденнаго отъ подобной эксплуатаціи?

Наконецъ, третья роль общины заключается въ охранѣ себя отъ монополистовъ; и эта функція можетъ найти опору въ чувствѣ самосохраненія, которое очень сильно въ общинахъ; протекціонный характеръ всегда отличалъ общину съ самыхъ древнихъ временъ; община относилась недовѣрчиво къ каждому иноземцу, каждая община имѣла своего торговца, которому только и довѣряла; это и до сихъ поръ сохранилось въ такихъ захолустьяхъ, какъ Сибирь; до какой степени сильно это чувство самосохраненія въ общинахъ, можно видѣть на старѣйшей и значительнѣйшей русской общинѣ, извѣстной подъ названіемъ уральскаго войска; всякій „иногородскій“, какъ тамъ называютъ чужеземца, разсматривается если не какъ непріятель, то, по крайней мѣрѣ, какъ человѣкъ индифферентный къ мѣстнымъ интересамъ, и если онъ вступаетъ въ сношенія съ общиной, то каждый шагъ его слѣдится съ ревнивымъ вниманіемъ, не заключаетъ ли онъ тайнаго поползновенія къ эксплуатаціи. Такова протекціонная сила въ общинѣ, не совсѣмъ утратившей жизнь. Правда, этотъ старый протекціонизмъ разгораживалъ общины высокими стѣнами, дѣлалъ ихъ безучастными другъ къ другу; въ то время, какъ одну общину судили, пытали и садили на колъ, дру-

гая уськала и тюкала: „коловичи, коловичи! коломъ въ дворянство жаловали“!— сознание солидарности интересовъ являлось только во время общаго несчастья. Но противъ этого узкаго консерватизма, ведущаго къ неподвижности, есть средство — коализація общинъ, при помощи которой общины сознають единство интересовъ и въ обыкновенное спокойное время.

Изучение жизни сибирской крестьянской общины, по нашему мнѣнію, должно привлечь по преимуществу пытливость и силы молодого поколѣнія въ Сибири — конечно, уступивъ должную долю вниманія и другому важному элементу, классу городскихъ рабочихъ. Въ настоящее время мы относительно ея въ совершенномъ невѣжествѣ, мы вовсе не знаемъ ея историческаго значенія; между тѣмъ, еслибъ мы познакомились съ ней ближе, мы увидѣли бы, что прожитая сибирской общиной жизнь имѣетъ большое историческое значеніе.

Сибирское крестьянство находится въ вѣчной блокадѣ отъ штрафнаго бродяжескаго населенія: до 20,000 бродягъ находятся въ постоянномъ движеніи по Сибири; они грабятъ, воруютъ и обманываютъ сибирскаго мужика, „панкрутятъ“, какъ сами они выражаются; занимаются разнообразнѣйшими видами шарлатанства, эксплуатируя страсть крестьянина къ наживѣ и къ фальшивымъ деньгамъ, и его суевѣріе; развращаютъ, насилуютъ и уводятъ ихъ женъ; сифились, развратъ и отсутствіе добросовѣтности въ промышленности невозможно искоренить въ Сибири, пока будетъ существовать штрафная колонизація. И эта картина, вѣроятно, была прежде вдесятеро сильнѣе, и была бы и теперь сильнѣе, если бы крестьянская община не выказала удивительной способности къ самозащитѣ и любви къ честному и тяжелому труду. Земская полиція въ Сибири была безсильна и незамѣтна; чиновники терпѣли и игнорировали существованіе этого зла въ странѣ. И вотъ крестьянская община приняла миссію дисциплинированія многочисленнаго бродяжескаго контингента на себя; мѣры, которыя она употребила, были круты, но не другія мѣры принимала и сама администрація, когда только являлось у ней желаніе сократить зло, хотя въ ея рукахъ и были возможны другія, болѣе гуманныя средства, тогда какъ въ рукахъ

крестьянской общины грубая самозащита была единственное средство избавленія, поэтому винить ее за жестокость было бы несправедливо. Такимъ образомъ, въ крестьянствѣ выработалась система отношеній къ бродяжеству, которая отличается единствомъ на всемъ пространствѣ отъ Нерчинска до Иргыша. Крестьянство создало обычное право, создало разные обязательства, стѣсняющія бродягъ и служащія предупредительной мѣрой противъ катастрофъ, и имѣло въ себѣ физическую силу постоянно поддерживать въ бродягахъ уваженіе къ этимъ обязательствамъ.

Не менѣе интересна и другая миссія, принятая на себя сибирской крестьянской общиной, это—ассимиляція новоселовъ. Откуда бы ни были новоселы, они подвергаются отъ туземщины непрерывной критикѣ и ироніи, сопровождаемымъ и положительными совѣтами, какъ поступать на сибирской почвѣ, какъ пахать землю, какія сдѣлать уступки ея дѣвственности, насколько и когда быть благосклонными къ бродягамъ, и когда жестокими, наконецъ даже совѣтами, какъ говорить, не возбуждая смѣха. Подъ гнетомъ этихъ насмѣшекъ и совѣтовъ, подтверждаемыхъ собственнымъ опытомъ, новые колонисты быстро уступаютъ мѣстнымъ обычаямъ, и не далѣе, какъ слѣдующее же поколѣніе считаетъ уже себя коренными сибиряками и на новоселовъ смотритъ съ ироніей.

Этихъ однихъ примѣровъ достаточно, чтобъ видѣть, какое историческое значеніе имѣетъ крестьянская община для Сибири.

Несмотря на то, что при своемъ переселеніи на зауральскую почву община должна была выдерживать столько разрушительныхъ вліяній, что должна была прійдти къ разложенію и потерять свой кооперативный духъ, несмотря на тягость фискально-монопольной эксплуатаціи естественныхъ богатствъ ея, не оставившихъ ей никакихъ сбереженій, она все-таки составляетъ въ странѣ почтенный трудолюбивый элементъ, въ которомъ лежатъ прочныя задатки будущей гражданской жизни. Первоначальный просторъ для дѣятельности частнаго лица въ Сибири былъ такъ великъ, что не было никакого повода къ ограниченію дѣятельности одного лица обществомъ; конкуренція и эксплуатація чловѣка чловѣкомъ пользо-

вались такой свободой, какъ въ странѣ съ индивидуалистическимъ характеромъ. Перешедши черезъ Уралъ, русская община, подобно леднику, переваливающему черезъ скалу, разбилась на куски, но потомъ пластическая сила начинаетъ склеивать разрозненные обломки. Съ уплотненіемъ населенія община начинаетъ создавать въ Сибири тѣ формы пользованія источниками богатства, которыя присущи ей были на западной сторонѣ Урала, подобно тому какъ зерно, брошенное на новую почву, постепенно начинаетъ развивать свои первичныя формы.

Для полного возрожденія сибирская община нуждается въ реформахъ, въ уступкѣ ей самоуправленія въ своихъ хозяйственныхъ дѣлахъ и въ улучшеніи ея гражданскихъ отношеній: этимъ былъ бы ускоренъ ея прогрессъ. Только въ свободномъ теченіи жизни общины и въ возбужденіи общинной оппозиціи противъ близкихъ и дальнихъ, чужихъ и доморощенныхъ эксплуататоровъ заключается залогъ всякаго преуспѣянія сибирскаго населенія.

Г. П.